КОМПОЗИТОР ЛЕОНИД ДЕСЯТНИКОВ КЛОНИРОВАЛ ПЯТЕРЫХ КЛАССИКОВ И ДОСТАВИЛ ИХ В БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Некрофилы в мавзолее

ПРОЕКТ

Марина ТОКАРЕВА

PHOTOXPRESS

Леонид Десятников готов приступить к репетициям своей оперы

Провинциал и гражданин мира, экспериментатор и эпигон. Виртуоз пересочинений, инкрустаций, монтажа, живое доказательство того, что между понятиями «мода» и «пошлость» в искусстве не обязательно стоит знак равенства. Элитарность и востребованность, ирония и серьезность, язвительность и уязвимость — в равной мере черты стиля и личности. Несмотря на седину и всегдашнюю небритость, в облике Леонида Десятникова сохраняется нечто от домашнего ребенка-вундеркинда, а за иронией прячется растерянный безутешный Пьеро. Десятников — знаковая фигура современной музыки. Даже его адрес в Петербурге знаковый: угол Римского-Корсакова и Мастерской.

Заказ именно Десятникову оперы для Большого театра объясним прежде всего высотой репутации, смягчающей здоровую скандальность либретто, сочиненного Владимиром Сорокиным. Работа над оперой шла два года. Сейчас в Большом театре начались черновые репетиции, Эймунтас Някрошюс приступит к постановке через месяц; премьера намечена на конец марта.

Долгожданный «полный аншлаг»

— Похоже, Леонид Аркадьевич, эта работа вас прославит. Будет, как нынче говорят, «полный аншлаг!».

— Напротив, все будут разочарованы; «долгожданная всеми опера», как выразился один журналист, усилиями «идущих вместе» и некоторых СМИ уже превратилась в некий фантом, к которому реальная опера не имеет никакого отношения. Что получится в итоге, неизвестно! Это зависит не только от Ведерникова и Някрошюса...

— Что для вас означает работать по заказу? Вызов, азарт, рамки?

— ...И крайнее изнурение в финале. Впрочем, мне нравится, когда меня помещают в рамки, ставят передо мной задачу — у меня-то самого никаких идей нет, мне, так сказать, не о чем поведать человечеству.

— Помните, Гумилев говорил Ахматовой: «Аня, как только я стану пасти народы...»

— «...отрави меня!» Пасти народы потребности нет, но для сочинения нужен какой-то импульс. Бессмысленно тратить несколько лет жизни на оперу, если неизвестно, будет ли она поставлена, правда?

— Жанр романа, говорят, умер. А жанр оперы жив?

— Нет, конечно. Написание оперы в наше время есть некий культурный жест, обращение к прерванной традиции. Ведь «настоящая» культура, та, что находится в музее, уже мертва.

— Да неужели? В таком случае сочинение оперы — занятие некрофилическое?

— В каком-то смысле. Музей — это ведь культурный мавзолей?! Так же, как мавзолей у нас — это музей.

Дети Розенталя

— Сюжет оперы уже не тайна: некто Розенталь в научной лаборатории клонирует пятерых композиторов: Верди, Моцарта, Мусоргского, Чайковского и Вагнера. Почему именно эти пятеро?

— Они наиболее значимы для оперного жанра.

— Важно ли, что бедняга Розенталь — еврей, коммунист?

— Для кого? Для Шафаревича и компании?!

— Для происходящего на сцене.

— Нет, просто это такое клише «еврей, коммунист, ученый» — Франкенштейн и доктор Калигари в одном лице. В опере пять картин, по числу композиторов, и каждая будто бы сочинена одним из персонажей.

— А время действия?

— Первый опыт Розенталя состоялся в 1940 году. Работа над последним «дублем» (у нас слово «клон» не употребляется!) происходит в годы брежневского застоя. В лаборатории готовятся к созданию Моцарта (в пантеоне Розенталя, страстного меломана, Моцарт занимает высшую ступень). А дома уже живут четверо старших дублей. После бессонной ночи Розенталь возвращается домой и сообщает о том, что у них скоро появится младший брат.

В следующей картине уже фигурирует младенец в колыбельке. Финал первого акта представляет собой пассакалию; ряд вариаций с фрагментами речей Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Горбачева и Ельцина. Первый акт кончается сценой похорон Розенталя: секретная лаборатория закрыта, на дворе жестокая московская реальность образца 1992 года, и дубли, совершенно не знакомые с этой реальностью, оказываются на улице.

Второй акт — их житие на воле. На пропитание они зарабатывают пением в подземном переходе возле трех вокзалов. Между Моцартом и проституткой Татьяной, феей здешних мест, вспыхивает настоящее большое чувство... Не буду сейчас вдаваться в подробности, но все кончается печально...

Вот Бетховен — это композитор, а Моцарт — сама музыка... Где его место в табели о рангах?!

Четверо дублей и Таня гибнут, выживает один Моцарт благодаря иммунитету к яду: Моцарт-предтеча, как вы помните, был отравлен ртутью... Здесь есть сверхсюжет: погибшие братья написали каждый свою quasi-оперу; ценою жизни осуществились как композиторы. Музыка же последней картины, которой по плану следовало бы быть a la Моцарт, почти не похожа на Моцарта — так, бледный эскиз.

С точки зрения Сальери

— Это похоже на сведение счетов. Почему именно Моцарту так повезло?

— Тут очень многое совпало, в том числе и мое настороженное отношение к Моцарту...

— Значит, не он занимает первое место в вашем внутреннем пантеоне?

— Увы. Как-то мы обсуждали эту тему с моим приятелем, пианистом, и я нашел формулу. Бетховен — это композитор, а Моцарт — сама музыка. Где в табели о рангах место композитора, я понимаю, но где место Моцарта?!

— Вы говорите, как Сальери.

— Возможно, но это моя личная точка зрения, и я никому не собираюсь ее навязывать. Это просто нелепо: какой-то Десятников предъявляет претензии Моцарту...

— «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает...» — неправда, по-вашему?

— Ну... одной уступает, а другой, может, и не уступает... Сочинять музыку, мне кажется, очень сложно.

— И все же что вас точно делает счастливым?

— Когда музыка получается. Вот этот миг. Искать и находить новые смыслы в столкновении знакомых вещей — единственное, что оправдывает мою деятельность.

Треугольник из брэндов

— Работая для кино, вы стали брэндом. Это окрыляет?

— Скорее, угнетает. Предположим, Икс, композитор, добившийся некоторой известности, овладевает суммой неких узнаваемых приемов и превращается в брэнд. По законам рынка он вынужден тиражировать этот брэнд. Так происходит не только в музыке. Существует, например, брэнд «Сорокин». У реального Сорокина есть выбор: следовать своему брэнду и, следовательно, продуцировать сцены насилия, ненормативную лексику и т.д., то есть отвечать ожиданиям. Или — уйти в сторону от этого и разочаровать преданного читателя. Но этот путь сопряжен с известным риском...

— Утраты брэнда?

— Я могу только за себя отвечать. Мне всякий раз хочется сделать что-то другое, отойти от того, что я делал прежде, хотя, наверное, все равно выходит то же самое. Но все-таки эта попытка избежать застоя, надеюсь, каким-то образом запечатлевается в музыке.

— Соединение вас и Сорокина логично. А вот Някрошюс — уже нарушение логики ряда. Кем он был выбран?

— Это был выбор Большого театра. Ему послали либретто, а меня попросили встретиться с ним. Я поехал в Вильнюс. Някрошюс и его жена встречали меня на вокзале, что произвело на меня сильное впечатление. Через несколько минут я сказал себе (как в телерекламе одна карамелька M&M's говорит другой про Деда Мороза): «Он настоящий». Для него это, кстати, попытка отойти от «Някрошюс-брэнда».

— Что вы обсуждали?

— Его метод работы. Он сказал, что крайне тщательно готовится, прежде чем начать репетиции. Помню слово «заштриховать». Как в детской раскраске, где надо цветными фломастерами закрасить фигуры...

— Автор либретто участвовал в процессе?

— Да, естественно. Первый вариант переделывался, Сорокин приезжал в Петербург. Как раз в ночь перед его приездом в ожидании пробуждения я понял, каким должен быть принцип построения либретто. Какие-то вещи я сам менял в ходе работы: то, что связано с «кухней»...

— Что теперь?

— Сейчас заканчиваю кино с Алексеем Учителем, рабочее название «Космос как предчувствие». Странная история, которую невозможно рассказать. В жизни героя, которого играет Евгений Миронов, появляется таинственный незнакомец, и сюжет строится вокруг их отношений.

— Кто этот незнакомец — «черный человек»?

— Вовсе нет! Скорее, смутный объект желания.

— Случается, это совпадает.

— Здесь, пожалуйста, напишите в скобках «смеется» (*смеется*)... ■

ДОСЬЕ

Леонид Десятников — один из самых исполняемых российских композиторов — родился в 1955 году в Харькове. Окончил Петербургскую консерваторию, класс композиции профессора Бориса Арапова. Через год после выпуска был принят в Союз композиторов.

Среди сочинений: оперы «Бедная Лиза», «Браво-брависсимо, пионер Анисимов!», «Витамин роста», вокальные циклы «Любовь и жизнь поэта» на стихи Хармса и Олейникова, «Пять стихотворений Тютчева», симфоническое произведение «Эскизы к «Закату».

Автор музыки к фильмам «Закат», «Подмосковные вечера», «Мания Жизели», «Кавказский пленник», «Москва», «Олигарх», «Дневник его жены». По заказу Гидона Кремера создал транскрипцию сочинений Астора Пьяццолы, ставшую широко известной в мире.

Много работал для театра, в частности, с Валерием Фокиным и Камой Гинкасом. Музыка Леонида Десятникова звучит на крупнейших музыкальных фестивалях Европы.